

С. А. Лугуев

**О ПОХИЩЕНИИ ЖЕНИХА И НЕВЕСТЫ
В ТРАДИЦИОННОЙ СВАДЕБНОЙ
ОБРЯДНОСТИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА
В XIX — НАЧАЛЕ XX в.**

Определенное место в традиционной свадебной обрядности народов Дагестана занимал обычай «кражи» жениха, реже — невесты [1, с. 239–240]. В XIX — начале XX в. обряд широко практиковался у аварцев, ботлихцев, тандинцев, багулалов, чамалалов, лезгин, агулов, лакцев-кулинцев и др. В различных частях Дагестана и в разных селениях жениха «уводили» за несколько часов до его уединения с невестой или сразу после совершения *магара* и в день свадьбы с утра и т.д. Продержав новобрачных в «почетном плену» несколько часов, реже — день, еще реже — несколько дней, «похищенного» или «похищенную» отпускали за выкуп: барана, телку, хорошую закуску и выпивку, сладости и фрукты и пр.

Наши полевые материалы (2006–2009 гг.; селения Тляраты, Унцукуль, Гочоб, Анди, Ботлих, Арчо, Ратлуб, Унчукатль, Вихли, Ахты, Хив, Рича) говорят о том, что в указанное время обычай упростился и рассматривался как часть свадебных увеселительных мероприятий. Былое назначение обычая — это стремление завистников и недоброжелателей нанести жениху оскорбление, опорочить его достоинство в глазах односельчан и главным образом в глазах невесты и ее родственников. «Украденного» жениха содержали чаще всего не в селении, а за селением, под охраной, в пещере, шалаше и пр. Никто его обычно не обижал, есть и пить ему давали вволю, передвижение его было ограничено. Выкуп, его состав и величина, определялся похитителями и утверждался только с согласия жениха. После этого подобная его уступчивость рассматривалась как проявление слабости и бесхарактерности. Выкраденному, а затем выкупленному жениху сторона невесты могла в итоге отказать в со-

гласии на брак с их дочерью. На почве «кражи» и выкупа могли происходить и, по словам наших информантов, часто происходили серьезные столкновения, нередко приводившие к ранениям, убийствам и кровной мести. За похищенного и затем выкупленного молодого мужчину редко кто соглашался выдать свою дочь, родственницу для повторного брака. Такой мужчина неофициально обретал статус изгоя и чаще всего переселялся в другое дальнее селение, в другую округу, на Северный Кавказ, в Закавказье и др. Мало того, пятно позора, неполноценности ложилось и на его родных, двоюродных братьев и других родственников.

Что же касается «похищения» невесты, то таковое могло произойти, если кому-либо, имевшему определенные виды на девушку, удавалось ценой значительного подкупа уговорить двух–трех ближайших ее родственниц до заключения брака увезти невесту куда-нибудь (к друзьям в соседнее селение, например) и попытаться склонить ее, ее отца, брата, дядю к браку с ним, а не с намеченным женихом. Мужчины в «похищении» невесты непосредственно не участвовали. Если у «похитителей» ничего из этого не получалось, девушка возвращалась родителям и жениху, при этом она как бы вырастала в нравственном отношении в глазах общества. Если «похищение» было результивным, то между двумя родами возникала вражда с непредсказуемыми последствиями. Впрочем, по словам наших информантов, она могла возникнуть и в первом случае.

Подобные обычай могли возникнуть и развиваться в обстановке роста имущественной дифференциации общества: бедному узденю или представителю средней прослойки с точки зрения материального благосостояния было весьма трудно противостоять семье, имеющей земли, сенокосы, немалое количество мелкого и крупного рогатого скота и пр. В этом вопросе важную роль играло и неравенство тухумов как в численном отношении, так и в отношении материального благосостояния. Подобного рода «кражи» жениха, а тем более невесты, не были распространенным явлением, но иногда они случались. Надо полагать, что с изменением сущности обычая «похищения» и превращением его в развлекательный компонент традиционной свадебной обрядно-

сти, определение лиц, обязанных охранять жениха и невесту, по-прежнему считалось обязательным.

Обычай действительного, неигрового похищения жениха или невесты либо был повсеместно запрещен, либо просто исчез. Предполагаем второе как следствие первого. Он стал, как уже об этом говорилось, компонентом развлекательно-игрового сценария свадебной обрядности. Жениха «похищали» аульская молодежь в доме его дружки за день до свадьбы или после первой брачной ночи, могли продержать его в «почетном плену» до получения выкупа от одного до трех дней. «Бывали случаи, — пишет З. А. Никольская об аварцах, — что женщины аула выкрадывали жениха и требовали за него выкуп. Часто во время свадьбы вдруг с другого конца аула начинали раздаваться звуки зурны и барабана, товарищи жениха в испуге начинали его искать» [2, с. 195]. Подобного рода игровых, развлекательных обычаем сложилось много и у других народов Кавказа. Иначе говоря, былым действительным похищением на смену незаметно и постепенно пришли их инсценировки, в итоге ставшие традицией.

В силу всего изложенного, по нашему мнению, здесь правильнее говорить не о пережитках матрилокального поселения (С. Ш. Гаджиева), а о постепенном отмирании нечасто соблюдавшегося обычая реального похищения жениха, невесты, вносявшего в общество откровенную враждебность. Поэтому воспоминания о подобных инцидентах постепенно трансформировались в развлекательно-игровые действия, вносявшие в традиционную свадебную обрядность народов Дагестана некую специфичность и своеобразие.

Библиография

1. Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана. М., 1985.
2. Никольская З. А. Из истории семейно-брачных отношений у аварцев // Краткие сообщения Института этнографии. М., 1949. Вып. 8.